

КНИГА С НЕОБЫЧНОЙ СУДЬБОЙ

(Рец. на кн.: Кузнецова А. И. Динамика русских глаголов движения с XI по XX век : монография / под ред. проф. А. А. Кретьова. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2010. – (Серия : Библиотека лингвистической прогностики. – Т. 5). – 284 с.)

А. Т. Хроленко

Курский государственный университет

Поступила в редакцию 10 января 2012 г.

Автор монографии – доктор филологических наук Ариадна Ивановна Кузнецова, заслуженный профессор МГУ по отделению теоретической и прикладной лингвистики.

У книги необычная издательская судьба. Начинается она как кандидатская диссертация под названием «Смысловые отношения и их исторические изменения в лексико-семантической группе глаголов движения с XI по XX век», выполненная под руководством В. А. Звегинцева и защищенная в МГУ в 1963 г.

Публикацию диссертационного сочинения, написанного почти полвека назад, научный редактор А. А. Кретьов обосновал, во-первых, тем, что это редкое исследование, охватывающее эволюцию лексико-семантической (ЛС) системы на протяжении всей письменной истории русского языка; во-вторых, исследуются глаголы движения, составляющие ядро ЛС-системы языка; в-третьих, изменения значений глаголов показывают устройство ЛС-пространства; в-четвертых, работа содержит ответы на важные для ЛС-прогностики вопросы: что, когда и почему это произошло; в-пятых, исследование А. И. Кузнецовой до сих пор остается непревзойденным и непродолженным исследованием, прошедшим проверку временем и не потерявшим своего значения для науки.

Тысячелетнюю историю письменных памятников А. И. Кузнецова разделила на три периода: XI–XIV, XV–XVIII и XIX–XX вв. Для первого периода (XI–XIV вв.) выборки сделаны из 150 текстов, из которых 50 являются исконно русскими (жития русских святых, летописи, грамоты, указы, послания и др.), а 100 – памятники русского извода. Материал приводится исключительно из памятников исконно русских.

Исследование связано с труднейшим теоретическим вопросом о системности лексики, поэтому его обсуждению отведена глава I «Понятие семантической системы языка и методы ее исследования: из

истории разработки проблемы». Эпиграфом к этой главе могли бы служить слова Р. Годеля, исследовавшего «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра, о том, что язык – это точная система, и его теория должна быть системой столь же точной, как язык (с. 14). Автор монографии отдает себе отчет в том, что попытки установить семантическую систему языка до сих пор остаются малоуспешными (с. 16), и ограничивается анализом работ, связанных с теорией поля, в основе которой лежит идея смысловой связи слов друг с другом в языке.

Анализ начинается с концепции поля Й. Трира, основывающейся на трудах В. Гумбольдта и косвенно Ф. де Соссюра и противопоставленной всем остальным самостоятельным теориям поля. Й. Трир оперирует понятиями и от них идет к словам, которые, образно говоря, делят понятийное поле между собой, и каждое слово репрезентирует определенный фрагмент понятийного пространства. Для Й. Трира «ничто в языке не существует самостоятельно» (с. 23), поэтому им фактически исключается самостоятельность слова. История лексики Триру представлялась как процесс членения, перегруппировки мозаичных кусочков понятийного поля (с. 27). Слово, таким образом, собственной истории не имеет, ее имеет лишь понятийное поле. К концепции Трира близка теория Л. Вейсгерберга, которую А. И. Кузнецова так же детально разбирает (с. 38–48). Обе теории подверглись критике, основные аргументы которой суммированы на с. 37. Стоит отметить, что справедливая и резкая критика концепций Трира и Вейсгерберга стимулировала изучение лексической системы языка.

Наиболее интересными для автора монографии, как и для ее предшественников, представляются теории Г. Ипсена и В. Порцига, ориентированные на поиски лингвистических, а не понятийных критериев существования поля, способствующие становлению концепции «семантического поля».

Труды Й. Трира и его оппонентов стимулировали разработку методики анализа лексико-семантических

групп (ЛСГ), формируемых на основе различных критериев. Появилась возможность сравнения ЛСГ одного языка в различные исторические периоды и сопоставление ЛСГ в двух языках в одну историческую эпоху. Во втором случае обнаруживается возможность надежно выявлять национальное своеобразие языка.

Для формирования концепции А. И. Кузнецовой важным стал вывод о том, что семантическая система языка не является застывшей. Ей присуща динамика, обусловленная тем, что смысловые связи между словами могут и прерываться, и возникать (с. 67).

Сверхзадачей исследования стал поиск эффективного инструментария для изучения семантической системы языка.

Автор монографии предупреждает и себя, и читателя, что при анализе древних семантических систем нельзя полагаться на интуицию, которая часто обманывает исследователя при изучении даже современного состояния языка (с. 69)¹.

Альтернативой интуиции, считает А. И. Кузнецова, основным инструментом исследования динамики глаголов движения может быть метод (или методика?) дистрибуции, который снимает многие двусмысленности при определении семантики слова. Как показало дальнейшее исследование, с помощью этой методики вскрываются сложные смысловые структуры отдельных членов группы и не менее сложные отношения между ними (с. 69). Однако эта методика тоже не является безупречной, и в ряде случаев вместо нее исследователь использует методику трансформации, которая, к сожалению, применима исключительно к материалу современного языка (с. 252).

Научная добросовестность автора книги не позволила ей полностью отказать интуиции как инструменту познания: «С помощью метода дистрибуции, таким образом, на нашем материале трудно, а иногда и невозможно различить лишь 6 лексико-семантических вариантов (№ 1, 16, 17, 22, 26, 29). Для их установления можно было бы прибегнуть к иным структурным методам (например, трансформационному анализу или субституции), но для древнего периода это делать нельзя, так как в случае трансанализа проверкой является чувство языка, т.е. субъективный момент. Поэтому 6 указанных лексико-семантических вариантов *пришлось устанавливать интуитивно* (выделено нами. – А. Х.), исходя из развернутого контекста» (с. 122). В «Заключении» автор признается: «...Мы подчас ощущаем едва уловимые оттенки в том или ином варианте у разных глаголов движения,

чувствуем такие различия, которые не поддаются формализованному описанию» (с. 250).

Современное научное познание снимает извинительную интонацию в рассуждениях о месте интуиции в поисках истины, которая прозвучала в только что приведенной цитате. В наши дни наука реабилитировала интуицию, эту когнитивную способность постижения истины путем непосредственного ее усмотрения без обоснования с помощью доказательства, эту субъективную способность выходить на пределы опыта путем мысленного схватывания («озарения», «Господь надоумил») или обобщения в образной форме непознанных связей и закономерностей [НИЭ, 2000: 7: 207]. Например, в недавней статье А. Ф. Журавлева «Интуиция этимолога» [Журавлев, 2010] отдано должное поразительной интуиции академика О. Н. Трубачёва, позволявшей исследователю преодолевать этимологические трудности и прямо устремляться к конечной цели поиска – к этимону – первичной мотивировке того или иного слова.

В главе II «Смысловая система глаголов движения русского языка в XI–XIV веках» собственно исследование начинается с семантического ядра группы движения в русском языке – коррелятивных глаголов *ити* и *ходити*, совпадающих по смыслу, поскольку называли факт передвижения независимо от того, какими средствами оно совершается. Автор показывает, что смысловое уточнение характера движения осуществлялось с помощью слов-конкретизаторов с различными грамматическими характеристиками. Выяснилось, что к центральной паре глаголов благодаря сходной дистрибуции примыкало около трех десятков других глаголов движения (с. 114).

Углубленный анализ текстов памятников XI–XIV вв. позволил автору увидеть, как постепенно из общего варианта ‘двигаться вообще’ вычлениются более конкретные варианты, например, ‘нападать, наступать, выступать против кого-нибудь, идти войною’ (с предлогом *на*), ‘следовать’, ‘жить’, ‘действовать’, ‘быть одетым во что-нибудь, носить одежду’ и др.

Установлено, что среди многочисленных вариантов значений глаголов *ити-ходити* уже в XI–XIV вв. были и такие, в основе которых не лежало понятие движения. Это позволило указанным глаголам войти в отношения с глаголами других смысловых групп.

Автор выделяет три типа семантических связей слов: (1) глаголы, система лексико-семантических вариантов которых полностью входит в систему глаголов *ити-ходити*. Это старославянские глаголы *грясти* и *шествовати*, необязательность которых уравнивалась некоторыми стилистическими особенностями; (2) глаголы, у которых помимо общих с глаголами *ити-ходити* имеются лексико-се-

¹ Справедливость этого предупреждения подтверждают те, кто обращается к данным Национального корпуса русского языка и обнаруживает несовпадение своих представлений с теми данными, которые накоплены Корпусом.

мантические варианты, отсутствующие у центральной пары (*ступати, лезти-лазати, течи, бежати-бегати, ехати-ездити, минути-миновати*); (3) глаголы, связанные с центральной парой односторонней связью, когда глаголы *ити-ходити* могли выражать какие-либо лексико-семантические варианты другого глагола, а этот глагол не передавал никаких вариантов глаголов *ити-ходити* (*плути-плавати, летети-летати, парити, блудить, рискать, рискати, ристати*).

В этой главе немало интересных лингвистических новелл, которые живописуют процесс развития смыслов движения. Ограничимся одной. Глаголы *лезти-лазати* в первом периоде были близки глаголам *ити-ходити* в лексико-семантическом варианте нерасчлененности движения, поэтому в различных редакциях древнерусской летописи они взаимозаменялись без каких-либо стилистических оснований (с. 91). Во второй период корреляты *лезть-лазть* получают общий вариант 'переходит реку вброд', который в первом периоде был специфичен для глаголов *брести-бродить*. Глагол *лезть* обретает вариант 'надевать на что-нибудь, налезать, быть в пору (с отрицанием НЕ: *туфли не лезут*)'. У глагола *лезть* в XVIII в. возникает вариант 'появляться наружу, вылезать, тянуться вверх (часто в применении к растениям)' (с. 133).

В главе III «Смысловая система глаголов движения русского языка в XV–XVIII веках сравнительно с XI–XIV веками» показывается, что лексический состав группы глаголов движения в течение указанного периода существенно изменился за счет множества заимствований типа *дефилировать, лавировать, маршировать*. А. И. Кузнецова принимает верное, на наш взгляд, решение анализировать смысловые отношения слов внутри группы, исследованной в предыдущей главе, не исключая при этом глаголы, вошедшие в русский язык в новую эпоху, типа *дыбати, гомъзити-гомъзати*.

Сопоставление одних и тех же глаголов движения, функционировавших в двух периодах жизни языка, предоставило возможность обнаружить динамику систем лексико-семантических вариантов отдельных глаголов. У одних глаголов (*бежать-бегати, блудить-блуждать, брести-бродить, ползти-ползати, лезть-лазть, ехать-ездить, лететь-летать и парить*) новые варианты появляются дополнительно к старым, при этом степень развития различна. У глаголов *блудить, ползти-ползать* изменения чуть заметны, а у глаголов *брести-бродить* налицо бурный рост новых лексико-семантических вариантов (с. 128–129). Заметна своеобразная «антропологизация» глаголов движения. Если в первом периоде глаголы *ползти-ползать* применялись в основном к пресмыкающимся, то во втором они соотносятся с человеком. Складывается лексико-се-

мантический вариант 'унижаться, низкопоклонствовать' (с. 129).

Обсуждая вопрос о регулярности семантических процессов, А. И. Кузнецова указывает на то, что этот вопрос в истории лингвистики решался по-разному: от отрицания регулярности (М. Бреаль, Л. Шпитцер, Г. Шухардт) через принятие с оговорками (Е. Велландер, О. Есперсен) к безусловному признанию регулярности (М. М. Покровский). Становясь на сторону последнего, А. И. Кузнецова основной причиной смыслового изменения считает взаимное семантическое влияние членов одной тематической группы (с. 156) и свою точку зрения аргументирует значительным рядом убедительных примеров, которые дают основание полагать, что основные типы изменений смысловых связей глаголов движения – развитие цепочкой, изменения по типу «передача эстафеты» и развитие методом борьбы (с. 223).

В главе IV «Смысловая система глаголов движения в XIX–XX веках сравнительно с предшествующими периодами» анализу подвергаются только те глаголы движения, которые рассматривались в предыдущих главах. Автор указывает, что за пределами исследовательского внимания остаются глаголы, ставшие достоянием диалектов (*дыбать, гомозить*), или пребывающие в художественных текстах в статусе диалектизм (*хлынять, клюсать, криулять*). Не рассматриваются также просторечные слова, среди которых выделяются иноязычные (*шлѣндать*), диалектные (*шлѣпать, шастать*), стилистически сниженные исконные русские элементы (*переть, шляться*). Не подлежат рассмотрению иноязычные слова профессионального предназначения (*барражировать, планировать, пикировать*).

Рассматриваемые автором глаголы укладываются в три группы. К первой группе отнесены те слова, которые уменьшили свой семантический объем или сохранили его прежним (*грясти, шествовать, миновать и ристать / рискать*). Вторую группу составили глаголы, увеличившие свой семантический диапазон за счет новых лексико-семантических вариантов и сохранившие прежние варианты (*лететь-летать, бежать-бегать, блуждать и парить*). Все остальные глаголы отнесены к третьей группе. В ней, например, свое место заняла глагольная пара *плыть-плавать*, смысловым объемом которой в XIX–XX вв. увеличился поразительно быстро. Помимо древнейшего варианта 'двигаться по воде' возникают другие – 'умение держаться на воде', 'перемещаться по небу (об облаках, клубах пара и пр.)', синоним глагола *парить* (о хищных птицах), 'разноситься во все стороны, распространяться (о звуках, запахах) в воздухе (*звуки песни плыли*)', 'двигаться по земле плавно, как бы плывя (о походке людей)', 'проваливаться на экзаменах, говорить и действовать наугад, неверно,

невыпадет', 'быть окруженным (дымкой, туманом) или быть погруженным в туман', 'пребывать в каком-либо состоянии, преимущественно в приятном', 'иметь обилие чего-либо', 'воспринимать окружающее расплывчато, как бы в тумане', 'проходить (о времени)', 'проходить перед мысленным взором, непрерывно, сплошным потоком следовать друг за другом (о мыслях, образах)', 'легко, без труда доставаться (о деньгах, ценностях)', противоположно: 'незаметно и быстро исчезать, расходиться' (с. 198–202).

Все три аналитические главы завершаются однотипными таблицами, в которых помимо описываемого глагола указан детерминатив, конкретизатор и лексико-семантический вариант. Даже беглый взгляд на таблицы позволяет увидеть количественную динамику. Таблица 4 представляет первый период (XI–XIV вв.) – 29 позиций (с. 118–121); таблица 5 – второй период (XV–XVIII вв.) – 58 позиций (с. 170–176); таблица 6 – третий период (XIX–XX вв.) – 106 позиций (с. 234–246).

Итогом исследования фактического материала и его табличного обобщения стал вывод, который приведем дословно в силу его важности: «Смысловая система глаголов движения изменилась за XIX–XX вв. прежде всего чисто количественно: одни глаголы изменили свой семантический объем в сторону его абсолютного уменьшения (например, *грясти, шествовать*), другие (и их подавляющее большинство) – в сторону его увеличения, причем увеличение могло быть как без потери прежних лексико-семантических вариантов, так и с частичной утратой их (см. I и II группы). Общее количество лексико-семантических вариантов всех взятых глаголов движения в III период увеличилось по сравнению с I периодом почти в 4, а сравнительно со II – приблизительно в 2 раза, т.е. рост лексико-семантических вариантов происходит в геометрической прогрессии (29 – в I, 58 – во II и 106 вариантов, из которых № 9, 12, 29, 34, 46, 53, 72, 84, 92 можно расценивать как 2 самостоятельных, но очень близких варианта, – в III период). Количество же подробно анализируемых слов остается постоянным с XI по XX в. (26 слов)» (с. 246).

Тончайший анализ обширного и достоверного фактического материала сопряжен с проработкой значительного объема научной литературы, отечественной и иностранной, прежде всего немецкой. Исследование, которое осуществлялось в 1950–1960 гг., своим библиографическим списком подтверждает правоту тех, кто считает, что XIX – первая половина XX в. – время становления филологии, ключевую роль в котором сыграли немецкие и русские ученые, что было обусловлено подъемом национального самосознания у немцев и русских, связанным с известными геополитическими факторами. Немецкая тщательность, добротность, пусть иногда и созда-

ющая ощущение повтора и легкой монотонности, – фирменный знак рецензируемой работы.

Исследование А. И. Кузнецовой носит подчеркнуто лингвистический характер. Автора интересует прежде всего языковой факт, интерпретируемый исключительно с помощью других языковых фактов. Собственная ее интерпретация соотносится с аналогичными, тоже исключительно лингвистическими выводами других исследователей. Хотя речь постоянно идет о смыслах, о семантике, которая в силу своей природы стремится выйти за пределы языка, автор монографии удерживает себя от попыток выйти в область этнолингвистики, социолингвистики, культурологии и пр. Нет и намека на то, что позднее назовут «когнитивной лингвистикой», полностью освобождающей ее адептов от пут языковых форм. Тут мы полностью согласны с едким замечанием научного редактора монографии (с. 5).

И тем не менее строго лингвистический текст сочинения способствует постановке лингвофилософских, лингвокультурологических вопросов. Первый из них спровоцирован выводом о геометрическом росте количества лексико-семантических вариантов в третьем периоде (с. 246). Можно ли считать это логическим следствием того, что резко расширилась эмпирическая база исследования – от 150 сравнительно небольших текстов в первом периоде до колоссальной территории русской художественной литературы с ее золотым и Серебряным веками и достаточно продуктивным советским периодом? Несомненно, количество неизбежно ведет к качественным последствиям. Однако достаточно просмотреть фактический материал, сконцентрированный на страницах сочинения, чтобы увидеть, что в последнем периоде изменился состав субъектов движения – от динамики дискретных объектов (человек, животное, процесс, абстракция) к динамике в самой соматике человека и его душевном и интеллектуальном мире: персты, руки летают по струнам, над столом (с. 188); дух, душа, желанья, мысль, интерес парят (с. 188); глаза (очи), взгляд, мечты, мысли, улыбка блуждают (с. 190); кудри, волосы бегут по плечам, персям; глаза, руки, персты бегают по клавишам, струнам, бумаге (с. 194); улыбка бродит по лицу; политические дела, мысли, взор, глаза бродят; бредут и слухи (с. 210).

Приводимые факты неизбежно ведут к вопросам теории, к размышлениям над тем, каковы причины столь радикальных перемен в функционировании русских глаголов движения: или это внутренний закон развития речи, та самая «незримая рука в языке» (Р. Келлер), которая обеспечивает дрейф языка, или это языкотворческий результат великой художественной литературы с ее неустранимым интересом к человеку во всех его физических, душевных и духовных движениях.

Эта книга отличается тем, что она содержит в себе большой эвристический потенциал. Глубоко прав профессор А. А. Кретов, включивший сочинение А. И. Кузнецовой в «Библиотеку лингвистической прогностики» и тем самым подтвердивший его статус фундаментального лингвистического исследования.

Еще об одном достоинстве рецензируемой работы. Человек, многие десятилетия работающий с аспирантами, понимает, как много может дать вступающему в мир филологической науки эта книга, дающая не только целостное представление о реальной жизни языка, пусть и на ограниченной территории речевого пространства, не только пополняющая знания читателя интересными фактами и идеями, но и одновременно являющаяся отменным руководством к овладению методологией лингвистического, шире – филологического труда. Каждому соискателю филологической степени вне зависимости от темы диссертации необходимо проработать эту книгу, видя

в ней надежный путеводитель в мире науки о слове, и сдать зачет по технологии лингвистического исследования.

В Заключении автор акцентирует наше внимание на трех ключевых моментах работы – о понятии семантической системы, о методах ее исследования и закономерностях исторических изменений смысловой структуры отдельных слов и всей семантической системы в целом (с. 251). Заметим, что эти три ключевых момента остаются актуальными и в лингвистике XXI в. Отсюда – своевременность введения сочинения А. И. Кузнецовой в научный обиход.

ЛИТЕРАТУРА

1. НИЭ – Новая иллюстрированная энциклопедия : в 20 т. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2000–2001.

2. Журавлёв А. Ф. Интуиция этимолога / А. Ф. Журавлёв // Этимология 2006–2008. – М. : Наука, 2010. С. 3–23.

Курский государственный университет

Хроленко А. Т., доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка

E-mail: khrolenko@hotmail.ru

Kursk State University

Khrolenko A. T., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language

E-mail: khrolenko@hotmail.ru